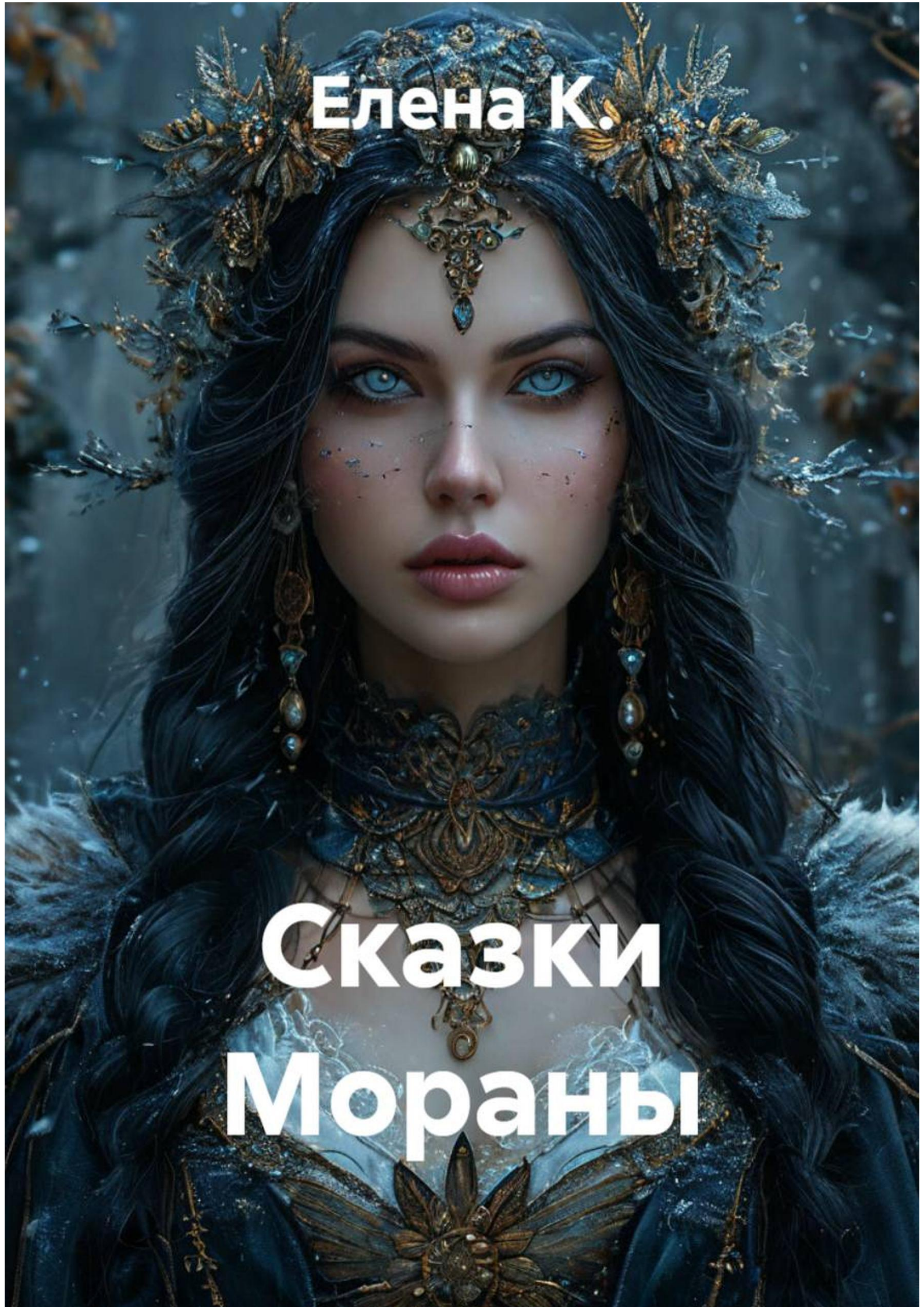

Елена К.

Сказки Мораны

Елена К.

Сказки Мораны

«Автор»

2026

К. Е.

Сказки Мораны / Е. К. — «Автор», 2026

«Там, где другие слышат только ветер — они читают целые истории». В затерянных Ледяных Воротах, равновесие мира висит на тончайшей нити: один неверный шаг — и холод поглотит тепло, река выйдет из берегов, а тишина станет глухой и враждебной. Юрик и его друзья хранители тонкого искусства. Среди них — Эраст Фандорин, превращающий чудеса в точные формулы; Кошей, чья мудрость старше веков; Водяной, знающий язык воды; Тихон, чувствующий мир кожей; и Лида, чья азбука узоров стала новым языком общения с природой. Когда над городом нависает гроза, способная разорвать саму ткань равновесия, герои не бегут, а сражаются — они выходят навстречу буре, чтобы услышать её послание. Эта книга — о смелости быть внимательным. Для читателей, которые ищут в фэнтези не только приключения, но и тепло, мудрость и надежду.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все Главы	5
Глава 1.	6
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена К. Сказки Мораны

Все Главы

Глава 1.

В одном северном краю, где зима не просто время года, а хозяйка, что сама решает, когда прийти и когда уйти, стоял городок Ледяные Ворота. Городок был небольшой, но знаменитый: каждую зиму на главной площади вырастал ледяной дворец — не из блоков, а будто из самого морозного дыхания ветра. Говорили, что его строит сама Морена, богиня зимы, но никто её не видел — только узоры на стенах напоминали чей-то строгий, но красивый почерк.

Жил в этом городке мальчик по имени Юрик. Он был не из тех, кто боится холода — наоборот, он с ним дружил. Юрик умел разговаривать с метелью: не словами, а свистом, и метель ему отвечала — то вихрем закружится, то тихо прошелестит снежинками, будто шепчет секрет.

Однажды утром Юрик вышел на улицу и увидел: ледяной дворец исчез. Не растаял — просто пропал, будто его и не было. На его месте осталась только круглая площадка, а по краю её тянулась тонкая серебряная линия, похожая на след от кольца.

Люди в городке перешёптывались: — Это знак. — Это предупреждение. — Это чья-то шалость.

Но старый кузнец, который знал про зиму больше всех, сказал Юрику: — Дворец не исчезает просто так. Его унесли туда, где холод живёт не снаружи, а внутри. Туда, где даже огонь боится гореть.

Юрик нахмурился: — А как туда попасть?

Кузнец протянул ему варежку — не обычную, а с вышитым узором в виде спирали. — Держи. Это карта. Если надеть её и пойти туда, куда узор смотрит, дорога сама тебя найдёт. Но помни: в том месте слова замерзают, если их говорят без нужды. Там нужно слушать тишину и доверять ветру.

Юрик надел варежку, и спираль будто ожила — она мягко засветилась, как будто внутри неё кружился крошечный вихрь. Он вышел за ворота города, и тут же метель, которую он всегда звал подругой, закружилась рядом, не обжигая, а словно обнимая.

Дорога вела через заснеженный лес, где деревья стояли, будто стражи в белых плащах. Юрик шёл и слушал: скрип снега, шелест ветра, далёкий вой волка — и вдруг услышал ещё один звук, тихий и ровный, как стук сердца. Он шёл из-под снега.

Юрик остановился, наклонился и расчистил снег руками. Под ним была маленькая ледяная дверца, не больше ладони. На ней не было ручки, только узор — точно такой же, как на варежке.

Он приложил варежку к узору, и дверца тихо щёлкнула, открываясь. За ней была лестница, уходящая вниз, в темноту, но по ступеням бежали крошечные огоньки, похожие на светлячков, только холодных и серебристых.

Юрик глубоко вдохнул морозный воздух, шагнул вперёд — и лестница закрыла за ним дверцу.

А внизу, в подземном зале, где стены были из чёрного льда, стоял ледяной дворец. Но теперь он был не украшением, а клеткой. В центре зала, скованная цепями из инея, сидела Морена. Её глаза были закрыты, а вокруг неё кружились тени — холодные, безмолвные, чужие.

Один из теней заметил Юрика и зашипел, как пар на морозе: — Ещё один глупый тёплый мальчишка. Думаешь, сможешь что-то изменить?

Юрик не стал кричать и размахивать руками. Он просто снял варежку, положил её на пол и тихо свистнул — так, как свистит ветер перед бурей.

И тут тишина ответила.

Из щелей в чёрном льду потянулся настоящий холод — не злой, а древний, родной. Тени вздрогнули и отступили. А Морена открыла глаза.

— Ты пришёл не с огнём, — сказала она голосом, похожим на звон льда. — Ты пришёл с ветром.

Юрик кивнул: — Я пришёл вернуть ваш дворец. И помочь вам освободиться.

Морена улыбнулась — и улыбка её была острой, как кромка льда, но в ней не было злости.

— Тогда слушай. Цепи держит не сила, а страх. Тот, кто их сковал, боится, что зима вернётся. Но зима всегда возвращается. Нужно лишь напомнить ей дорогу.

Она протянула руку, и Юрик взял её — не за пальцы, а за холод, за мороз, за ту самую тишину, которую он умел слышать.

И тогда зал задрожал. Чёрный лёд треснул, цепи рассыпались в пыль, а ледяной дворец поднялся вверх, сквозь землю, сквозь снег, сквозь небо — и встал на своё место, сияя, как будто только что родился.

Когда Юрик снова оказался на площади, люди ахнули. Дворец стоял, как раньше, но теперь на его стенах были новые узоры — спирали, вихри и крошечные следы от варежки.

А Морена... её никто не видел. Только ветер на мгновение замер, будто прошептал: «Спасибо».

С тех пор в Ледяных Воротах говорили, что зима — это не только холод, но и память о тех, кто умеет её слышать. И если прислушаться, можно услышать, как она тихо смеётся где-то в метели.

Глава 2.

После того как ледяной дворец вернулся на своё место, в Ледяных Воротах будто воздух стал другим — чище, звонче, будто каждая снежинка теперь знала, куда ей падать. Люди ходили по площади, трогали узоры на стенах и улыбались: казалось, даже холод теперь был не колючим, а заботливым, как старое шерстяное одеяло.

Юрик хотел было тихо уйти, спрятаться в тень, чтобы никто не начал его расспрашивать, но не успел. К нему уже спешил старый кузнец — борода в инее, глаза сияют, а в руках он сжимал что-то, завёрнутое в лоскут ткани.

— Ну, герой ты наш! — прогудел кузнец, подходя ближе. — Я-то думал, варежка просто старая вещичка, а она, выходит, настоящая путеводная звезда. Держи, заслужил.

Он протянул Юрику свёрток. Мальчик осторожно развернул ткань — и ахнул. Внутри лежала маленькая серебряная подвеска в форме спирали, точно такой же, как узор на варежке. Только эта спираль будто двигалась, если на неё смотреть: то сжималась, то раскрывалась, как дыхание ветра.

— Это чтобы ты всегда помнил: не только метель тебя слышит, но и ты её слышишь, — объяснил кузнец. — Но носи её под одеждой. Не для чужих глаз.

Юрик кивнул, спрятал подвеску за ворот тулупа, и тут же почувствовал, как по спине пробежал лёгкий холодок — но не от мороза, а будто кто-то тихо шепнул: «Теперь ты не один».

А потом началось странное.

На следующий день в городке стали пропадать тени. Не люди, не вещи — а именно тени. У бочки во дворе не стало тени, у забора — тоже, у самого Юрика тень вдруг на миг исчезла, когда он вышел на крыльцо, и он даже испугался, будто стал невидимкой. Но стоило ему свистнуть — тихо, по-своему, как метель тут же закружилась у ног, и тень вернулась, будто её просто сдуло ветром и теперь принесло обратно.

Стали шептаться, что это не к добру. Что если тени уходят, значит, кто-то забирает свет — или, хуже того, стирает память о вещах. Ведь тень — это след, который мир оставляет о тебе. Без тени человек будто становится чуть менее настоящим.

К вечеру к Юрику пришёл Валаам Прибрежный — тот самый, что с лесом на «ты». Он был в потрёпанном кафтане, с вязанкой сухих веток на плече и взглядом, будто видел сквозь стены.

— Слышал, тени пропадают, — сказал он, не здороваясь, но без грубости. — Это не метель шалит. Это кто-то тянет холод не наружу, а внутрь. Забирает его себе, чтобы стать сильнее. И чем больше холода он заберёт, тем меньше останется настоящего мира.

Юрик нахмурился: — Но зачем?

Валаам пожал плечами: — Кто-то боится тепла. Боится, что зима уйдёт навсегда. И хочет удержать её любой ценой — даже если для этого придётся сделать мир серым.

И тут Юрик вспомнил слова Морены: «Цепи держит не сила, а страх».

— Значит, надо найти того, кто боится, — сказал мальчик твёрдо. — И показать ему, что зима не враг.

Валаам усмехнулся, но в усмешке не было насмешки: — Ты говоришь, как тот, кто уже не мальчик, а хранитель. Ладно. Пойдём. Я знаю одно место, где тени исчезают чаще всего. Там старая заброшенная кузница на краю леса. Говорят, там кто-то живёт. Или что-то.

Они пошли вместе — Юрик, Валаам и метель, которая кружилась рядом, будто верный пёс. Дорога была тихой, слишком тихой: даже снег не скрипел, будто боялся выдать их шаги.

Когда они подошли к кузнице, стало ясно — тут и правда кто-то был. Из щелей в стенах пробивался тусклый голубоватый свет, а на пороге лежали осколки льда, острые, как иглы.

Валаам поднял один, повертел в пальцах и тихо сказал: — Это не природный лёд. Его сделали. И сделали с гневом.

Юрик шагнул вперёд и толкнул дверь. Она открылась с протяжным скрипом, будто сама не хотела пускать.

Внутри было холодно, но не как на улице — а как в забытом месте, где время застыло. В центре кузницы стоял странный механизм: железные шестерёнки, цепи и посреди всего этого — огромный кристалл, похожий на замёрзшее сердце. Он пульсировал тусклым светом, и каждый его удар будто высасывал тень из окружающего мира.

А рядом с ним, склонившись над рычагами, стоял человек в тёмном плаще. Лицо его было скрыто капюшоном, но когда он поднял голову, Юрик увидел, что глаза у него — как два кусочка льда, прозрачные и пустые.

— Вы пришли остановить меня? — голос незнакомца звучал так, будто слова замерзали на лету. — Зря. Я делаю то, что должен. Я спасаю зиму.

— Нет, — тихо, но твёрдо ответил Юрик. — Ты забираешь её себе. А зима — она не для того, чтобы её прятать. Она для того, чтобы её слышать.

Незнакомец усмехнулся: — Слышать? Что ты можешь слышать, мальчишка? Ты видишь только снег. А я вижу, как мир тает. Как всё становится тёплым и слабым.

— А я вижу, как мир дышит, — возразил Юрик. — Даже зимой. Даже под снегом.

Он снял варежку, которую всё ещё носил в кармане, и положил её на край стола рядом с механизмом. Варежка тихо засветилась, и спираль на ней начала медленно вращаться.

Кристалл вздрогнул. Его свет стал неровным, будто он почувствовал что-то чужое — не холод, а живое тепло, которое не боится мороза.

Метель ворвалась в кузницу, закружилась вихрем, и вдруг из её кружения начали складываться голоса — шёпоты, песни, смех, тихие разговоры, которые мир шептал всю зиму и которые теперь никто не слышал.

Незнакомец пошатнулся. Его ледяные глаза на миг стали обычными, человеческими — и в них мелькнуло что-то похожее на страх, но уже не перед теплом, а перед одиночеством.

— Я не хотел быть один, — прошептал он, и голос его уже не звенел, а дрожал. — Я думал, если я заберу холод, никто не сможет меня забыть.

Юрик подошёл ближе — не спеша, чтобы не спугнуть.

— Тебя не забудут, — сказал он просто. — Но не потому, что ты держишь холод. А потому, что ты часть этого мира. Даже если ты ошибался.

Валаам тихо кашлянул и протянул незнакомцу кружку горячего чая — откуда он её взял, никто не понял, но пар от неё поднимался настоящий, живой.

Тот взял кружку дрожащими руками, подул на пар, и впервые за долгое время в его глазах отразилось что-то тёплое.

Механизм в центре комнаты тихо щёлкнул и погас. Кристалл рассыпался на мелкие осколки, но не с треском, а мягко, как тает иней на солнце. Тени вернулись — сначала робко, потом уверенно, ложась на пол, на стены, на лица.

А когда они вышли из кузницы, небо уже начинало розоветь — не от заката, а от рассвета, который всегда приходит даже после самой долгой зимы.

С тех пор в Ледяных Воротах появилась новая традиция: каждую зиму, когда первый снег ложится на землю, люди собираются на площади и слушают тишину. И если очень постараться, можно услышать, как где-то далеко смеётся метель — и как ей тихо отвечает кто-то ещё.

Глава 3.

С рассветом Ледяные Ворота будто проснулись заново. Тени легли на мостовые ровно, как и положено, снег искрился, а ледяной дворец переливался всеми оттенками голубого — будто кто-то изнутри зажёг в нём тихий свет.

Юрик стоял у края площади и слушал, как город дышит: скрип саней, смех детей, ворчание печных труб. И ещё — что-то новое. Тонкий, едва уловимый звук, похожий на перезвон хрустальных нитей. Он шёл откуда-то с севера, из-за леса, где начинались дикие земли, куда даже самые смелые охотники ходили только вдвоём.

К Юрику подошёл Валаам, поправил кафтан и хитро прищурился:

— Слышишь? Это не ветер. Это лёд поёт. И поёт он не просто так.

— А как? — спросил Юрик.

— Как будто зовёт. Или предупреждает. Пойдём посмотрим?

Юрик кивнул. Он уже знал: если Валаам говорит «посмотрим», значит, впереди не просто прогулка.

Они вышли за ворота, и метель, будто ждала этого, тут же закружилась рядом, но уже не как подруга, а как проводник — она указывала путь, стелясь по снегу тонкими дорожками.

Чем дальше они уходили от города, тем тише становился мир. Даже хруст снега будто растворялся в воздухе. А звук хрустальных нитей становился громче.

И вскоре они увидели.

Среди голых деревьев, на небольшой поляне, стоял огромный ледяной обелиск. Он не был похож на творение Морены — тот дворец был живым, тёплым в своей холодности, а этот казался... пустым. Как будто внутри него не было ни дыхания, ни памяти, ни истории — только холод, который хотел стать всем.

На поверхности обелиска вились странные узоры — не спирали, не волны, а острые, ломаные линии, будто кто-то пытался нарисовать страх.

Валаам провёл рукой по льду, и пальцы его на миг застыли.

— Это не природа, — прошептал он. — Это заклинание. Очень старое. И очень опасное. Оно вытягивает тепло не из воздуха, а из воспоминаний.

— Из воспоминаний? — переспросил Юрик, чувствуя, как по спине пробежал не мороз, а что-то другое — будто из него хотели забрать что-то важное.

— Да, — кивнул Валаам. — Тот, кто поставил этот обелиск, хочет забыть. Или заставить забыть других. Потому что память — это тоже тепло. А он боится тепла.

Тут из-за дерева вышел незнакомец. Не тот, из кузницы — этот был совсем другим. Высокий, в плаще из меха, с глазами цвета серого неба, а на плече у него сидел ворон, чёрный, как тень без хозяина.

— Вы не должны здесь быть, — сказал он спокойно, но в голосе звенела сталь. — Этот лёд — моя защита.

— Защита от чего? — спросил Юрик.

Незнакомец помолчал, будто взвешивая слова.

— От того, что я сделал. От того, кем я был. Я думал, если я заморожу свои воспоминания, то перестану причинять боль. Но лёд... он не стирает. Он прячет. А спрятанное всё равно находит дорогу наружу.

Ворон на его плече тихо каркнул, будто согласился.

Валаам шагнул вперёд, но не угрожающе, а так, словно хотел показать: мы не враги.

— Бывает так, что прошлое нельзя стереть, — сказал он мягко. — Но его можно... пересказать. Так, чтобы оно больше не жгло.

Юрик вспомнил, как он сам иногда боялся своих снов, пока не начал рассказывать их ветру — и тогда сны становились просто историями, а не страхами.

— Расскажи нам, — тихо сказал он незнакомцу. — Мы послушаем. И если хочешь, мы поможем тебе найти место, где воспоминания не будут ранить.

Тот посмотрел на них долго, будто проверял, настоящие ли они, не растворятся ли в морозе. Потом кивнул.

— Меня зовут Драгур, — произнёс он, и имя прозвучало как скрип льда по камню. — И я... я когда-то служил тому, кто хотел украсть зиму. Я верил, что делаю правое дело. А потом понял, что мы крали не холод — мы крали свет. Потому что без памяти нет света.

Он протянул руку и коснулся обелиска. Лёд под его пальцами начал таять не водой, а крошечными искрами — каждая искра была воспоминанием: чей-то смех, чей-то шёпот, чей-то страх, чей-то добрый поступок. Они кружились в воздухе, как снежинки, и не исчезали, а ложились на снег, оставляя узоры.

Метель подхватила эти искры и понесла их прочь — не чтобы спрятать, а чтобы разнести по миру, чтобы они стали частью общей памяти.

Обелиск тихо треснул и рассыпался на куски, которые тут же начали таять, не оставляя даже лужицы — только лёгкий запах мороза и ощущение, будто воздух стал чище.

Драгур опустил плечи, будто сбросил тяжёлый груз, и впервые улыбнулся — не широко, а так, как улыбаются, когда долго не могли.

— Спасибо, — сказал он просто. — Я думал, что единственный способ жить дальше — это забыть. А оказалось, что нужно просто не быть одному, когда вспоминаешь.

Валаам хлопнул его по плечу:

— Теперь ты с нами. А в наших краях помнят и хорошее, и трудное — и от этого мир только крепче.

Они повернулись и пошли обратно к Ледяным Воротам, а метель кружилась вокруг, сплетая из снежинок невидимые нити, которые связывали прошлое и будущее, страх и надежду, холод и тепло.

Когда они вернулись в город, солнце уже стояло высоко, и на площади собирались люди. Кузнец увидел Юрика, широко улыбнулся и крикнул:

— Ну вот, опять ты в самое сердце приключений влезаешь! А я-то думал, зима будет спокойной!

Юрик улыбнулся в ответ, а потом посмотрел на Драгура и тихо сказал:

— Хочешь, я покажу тебе, как свистеть с метелью? Она не кусается, если знаешь слова.

Драгур кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление — будто он впервые почувствовал, что может чему-то научиться.

А вечером, когда над городом зажглись звёзды, Юрик сидел на крыльце, слушал тишину и думал: зима — она не про то, чтобы прятаться от тепла. Она про то, чтобы беречь его, когда оно есть. И про то, чтобы делиться им, даже если вокруг только снег.

Глава 4.

На следующее утро Ледяные Ворота будто стали чуть-чуть другими — не только потому, что тени вернулись и снег лежал ровно, а потому, что в воздухе витало новое чувство: будто город теперь знает, что он не один. Будто за каждым сугробом прячется своя история, и все они теперь готовы быть услышанными.

Юрик проснулся рано. Он потянулся, накинул тулуп и вышел на крыльцо. Мороз тут же щёлкнул его по носу, но не зло, а как старый приятель, который проверяет: «Ты тут? Ты готов?» И Юрик был готов.

На площади уже суетились люди: кто-то чистил дорожки, кто-то развешивал яркие ленты на фонарных столбах — в честь того, что зима снова стала доброй. А у ледяного дворца толпились ребятишки, тыкали пальцами в новые узоры и спорили, похожи ли они на птиц, на волны или на чьи-то следы.

Кузнец стоял рядом, потирал руки и улыбался во всю бороду:

— Ну, Юрик, теперь у нас традиция новая будет: раз в год мы будем слушать, как лёд поёт. И если он запоёт не так — мы сразу пойдём разбираться.

Юрик кивнул, но в груди у него ёкнуло: он-то знал, что лёд поёт не просто так. И сегодня он снова слышал этот тонкий перезвон. Только теперь он понял — это не предупреждение. Это приглашение.

Тут к нему подошёл Валаам. В руках у него была плетёная корзинка, а в ней — пучок сухих трав, маленький глиняный горшочек и ещё что-то, завернутое в тряпицу.

— Собирайся, — сказал он тихо, чтобы не слышали другие. — Лёд зовёт не просто послушать. Он зовёт вспомнить кое-что важное. И, кажется, нам пора навестить одного старого знакомого.

— Кого? — спросил Юрик.

Валаам хитро прищурился:

— Того, кто знает про забытые тропы. Того, кто помнит, где кончается лёд и начинается вода. Водяной.

У Юрика глаза загорелись. Про Водяного в Ледяных Воротах рассказывали шёпотом: мол, он живёт там, где река под льдом не спит, где вода шепчет свои секреты, а лёд отвечает ей скрипом. Говорили, что он не злой, но строгий: не любит суеты и пустых слов.

Они пошли втроём: Юрик, Валаам и Драгур. Драгур всё ещё держался чуть поодаль, будто боялся, что его присутствие снова что-то испортит, но метель кружилась вокруг него так же ласково, как и вокруг остальных, и он потихоньку начинал верить, что, может быть, теперь всё будет иначе.

Дорога вела через лес, где деревья стояли, будто стражи в снежных плащах. Валаам шёл впереди, время от времени наклонялся, трогал снег и кивал, будто читал следы, невидимые другим.

— Тут прошёл лось, — бормотал он. — А тут кто-то маленький, быстрый — может, белка, а может, лесной дух, который любит путать следы. А вот тут...

Он остановился у большого валуна, наполовину занесённого снегом. Валун был не простой: на его боку виднелся странный узор — не резьба, не трещина, а будто отпечаток чьей-то ладони, только очень большой.

— Это знак Водяного, — тихо сказал Валаам. — Он оставляет такие там, где можно спуститься к реке, не провалившись под лёд.

Драгур нахмурился:

— Но река подо льдом. Как мы туда попадём?

Валаам улыбнулся:

— Там, где Водяной, лёд сам знает, где быть тонким, а где крепким. Главное — не бояться ступить.

Он шагнул вперёд, туда, где снег лежал особенно ровно, и вдруг земля под ним будто прогнулась — не провалилась, а мягко опустилась, как ступенька. И открылась узкая лестница, вырубленная прямо в промёрзшей земле, уходящая вниз, в темноту, но по краям её мерцали крошечные огоньки — не пламя, а что-то холодное и живое, похожее на свет луны, пойманный в каплю воды.

— Идём, — кивнул Валаам. — Только тихо. Водяной не любит криков.

Они спустились. Воздух становился всё влажнее, запах снега смешивался с запахом сырой земли и чего-то древнего, будто река помнила времена, когда здесь ещё не было ни городов, ни дорог, ни людей.

Внизу открылся небольшой зал, выстланный гладкими камнями. А в центре его, прямо на поверхности подземного озера, сидел Водяной. Он не был похож на чудовище из сказок: скорее, на старика с длинными седыми волосами, в которых запутались пузырьки воздуха, и в одежде из водорослей и мха. В руках он держал длинную палку, которой тихо постукивал по льду, и от каждого удара по воде расходились круги, а на льду появлялись узоры.

Когда они вошли, Водяной поднял глаза. Взгляд у него был спокойный, но внимательный, будто он видел не только их лица, но и все их страхи и надежды.

— А, Валаам, — проговорил он низким голосом, похожим на шум далёкого водопада. — И с тобой путники. Один из них слышит ветер. Второй... второй только учится слышать себя. Что привело вас ко мне?

Валаам поклонился чуть-чуть, не низко, но уважительно:

— Лёд поёт, Водяной. И поёт он о чём-то важном. Мы думаем, это про тропу, которую давно забыли. Про ту, что ведёт туда, где зима и лето держатся за руки.

Водяной медленно кивнул, постучал палкой ещё раз, и на льду появился новый узор — спираль, похожая на ту, что была на подвеске Юрика.

— Да, — сказал он. — Тропа забыта, потому что люди перестали верить, что она нужна. А она нужна. Потому что мир держится не на том, что всё одинаковое, а на том, что разное умеет быть рядом. Зима и лето. Холод и тепло. Память и надежда.

Он посмотрел прямо на Юрика:

— Ты умеешь слышать ветер. А теперь тебе нужно научиться слышать тишину между волнами. Потому что именно в этой тишине прячется тропа.

Юрик сглотнул. Ему вдруг стало страшно — не от темноты и не от Водяного, а от того, что от него ждут чего-то большого. Но он вспомнил, как вчера Драгур боялся своих воспоминаний, а потом перестал бояться, когда их разделили на всех. И Юрик тоже не хотел быть один.

— Я попробую, — тихо сказал он.

Водяной улыбнулся — не широко, а так, будто вода улыбнулась сквозь лёд:

— Хорошо. Тогда слушай.

Он снова постучал палкой, и лёд загудел низким, долгим звуком, который прошёл сквозь всё тело Юрика, как будто река поздоровалась с ним. И в этом гуле Юрик вдруг услышал не просто шум воды, а слова — тихие, старые, почти забытые:

«Тропа там, где тень ложится поперёк дороги. Где ветер говорит с водой. Где холод не отталкивает тепло, а ждёт его, как гость ждёт хозяина».

Слова растворились в гуле, но Юрик их запомнил.

Водяной поднялся, вода вокруг него зашевелилась, будто живые нити тянулись к нему со всех сторон.

— Тропа откроется, когда ты увидишь все три знака. И когда ты поймёшь, что идти по ней можно только вместе.

Он протянул руку и положил на ладонь Юрика маленький камешек — чёрный, гладкий, с тонкой серебристой прожилкой, похожей на след молнии.

— Держи. Он покажет дорогу, если ты будешь слушать не уши, а сердце.

Юрик бережно сжал камешек в кулаке. Он почувствовал, как тот чуть-чуть потеплел, будто узнал его.

Они попрощались с Водяным, поднялись по лестнице, и когда вышли на поверхность, солнце уже стояло высоко, а снег искрился так, будто каждый кристалл был маленьким зеркалом, в котором отражался целый мир.

Драгур остановился, глубоко вдохнул морозный воздух и вдруг тихо, неуверенно свистнул — так, как делал Юрик. Метель тут же закружилась, будто улыбнулась, и ответила ему лёгким перезвоном снежинок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.